

Лидия Чарская

Заслуженное счастье

Лидия Алексеевна Чарская

Заслуженное счастье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=635515

Лидия Чарская. Собрание сочинений:

Аннотация

Причудливые, полные интриг приключения героев повестей Чарской переплетаются с их высокими, благородными чувствами и поступками. В том мире, который создала Лидия Чарская, негодяям и мерзавцам не удается взять верх над светлыми, честными, чистыми душами. Ее героини такие, какими в главном наверняка хотелось бы стать и тебе: чтобы, несмотря на препятствия, все удавалось, чтобы тебя любили хорошие люди, а твоя душа отзывалась на эту любовь, бескорыстно и преданно.

Содержание

Глава I	4
Глава II	12
Глава III	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Лидия Алексеевна Чарская

Заслуженное счастье

Глава I

Вот уже месяц, как Ия аккуратно каждое утро выходит из трамвая у Гостиного двора и быстрой походкой направляется к магазину дамских нарядов, где она служит кассиршей. Магазин открывают ровно в девять часов утра. Заспанные мальчишки спуют по отделениям. Хорошенькие с вычурной прической барышни-продавицы развешивают убранный на ночь товар, в виде воздушных блузок, шелковых, бархатных и шерстяных платьев, тюлевых и кружевных рубашечек, затейливых галстуков, капоров, кушаков, пелеринок, матине и прочих изящных принадлежностей дамского туалета. Приказчики убирают витрины. Вскрывают ящики и картонки со вновь поступившими товарами, накальвают на них билетки с ценой, словом, производят свою обычную повседневную работу. К двенадцати часам в магазин является старик управляющий, он же ж один из хозяев-пайщиков, тоже вложивший капитал в дело, — толстый, с внушительным брюшком и лысиной во всю голову господин, всегда изящно одетый, с крупным бриллиантовым перстнем на пальце, Илья Иванович Донцов.

Он очень предупредителен к Ии. Ему нравится серьезная, строгая и спокойная манера держаться молодой девушки, её исполнительность в работе, удивительная трудоспособность и внимательное отношение к службе. И обращается старик с Ией, как с равной себе по положению, между тем, как с другими барышнями и со служащими в магазине Илья Иванович несколько грубоват. С младшим же персоналом, с мальчиками, разносящими товар и служащими на побегушках, он и вовсе не стесняется. Немало подзатыльников и щипков перепадает на долю этих последних. Целые дни слышится резкий пронзительный фальцет управляющего, разносящийся по всему магазину, то покрикивающий на нерадивых младших служащих-мальчуганов, то делающий замечания взрослым или отдающий приказания, торгующийся, негодующий, уговаривающий публику, смотря по обстоятельствам. Его толстенная с большим животом фигура перекатывается с одного конца магазина на другой, во все и всюду поспевая, заглядывая во все уголки, запоминая с удивительной точностью малейшие подробности торговли.

А торговля идет здесь весьма бойко и живо. Целая гвардия молоденьких продавщиц носится бесшумной, скользкой походкой между облаками тюля, газа, шелка, кружев и атласа. Они умеют увлечь, заинтересовать покупательниц, умеют показать, как говорится, товар лицом, и умеют и покривить душой, когда надо и не надо, и сорвать, порой, неслыханную цену за самую обыкновенную вещь, уверив

доверчивую покупательницу, что это вещь – заграничная и стоит поэтому больших денег. Здесь целый день толчея, как на рынке. Дамы и барышни, старые, пожилые, молодые и совсем юные, приходят, уходят, выбирают, торгуются оживленно и настойчиво. Вороха платьев, юбок, лифов, блузок, шарфов, принадлежностей моды, роскоши и туалета покрывают собой длинные прилавки торгового помещения. Большая часть нарядов висит на металлических прутьях в стенных углублениях, задернутых тафтой, меньшая облегает проволочные фигуры манекенов. Ия из её стеклянной будки, где помещается касса, наблюдает целые сценки, происходящие между покупательницами и продавщицами. Ей слышатся бесконечные споры о цене, торг, упрашивание с одной и настаивание с другой стороны. И, щелкая ручкой, поворачивающей колеса автоматического счетчика машины кассы, девушка успевает заметить то, что ускользнуло бы от других, менее внимательных глаз.

Ия видит, как младшие продавщицы «запрашивают» двойную цену за вещи, видит, как более добросовестные, уступая покупателю, навлекают на себя этим негодование со стороны Ильи Ивановича и своих не очень щепетильных в делах чести подруг. Видит, как часто болезненный, и слабенький подросток Яша, самый младший из «магазинных мальчиков», не успевающий исполнить возложенную на его слабые плечи непосильную работу, задыхаясь от кашля, малиновый от усилия, переносит тяжеленные тюки с товарами

из кладовой в помещение магазина. Замечает, как продавщица красавица Илочка с модной прической из фальшивых волос цвета желтой соломы танцует перед какой-нибудь не в меру настойчивой покупательницей, не желающей платить шальных денег, картавя своим звонким голоском на весь магазин:

– Тридцать рублей... Я прошу только тридцать, мадам, заметьте. А эта прелесть стоит сорок... Уверяю вас... Не скупитесь же, мадам, набавьте... Что? Только два рубля? Вы предлагаете двадцать два? Но этого ужасно мало, мадам! Ведь эта вещь модельная... Пардон? Вы говорите на один раз? Клянусь вам, моется, как тряпка! Желаете примерить? Пожалуйста... Только дайте настоящую цену. Евлампия Петровна, пожалуйста в примерочную.

И вот, и покупательница с недовольным, обиженным лицом, и сама Илочка своей танцующей походкой, и портниха Евлампия Петровна, бледное, анемичное существо, обремененное большой семьей и больным мужем, проходят в примерочную, маленькую клетушку, заставленную зеркалами во всю стену.

Оттуда покупательница выходит с более просветленным видом и передает Ии чек и деньги через маленькое отверстие кассы. Щелкает автомат счетчика, выскакивает указанная цифра и покупательница отходит от кассы. Её место занимает другая. За ней третья, иногда покупатели, делающие покупки для своих жен, матерей, детей и сестер. Перед Ией

проходит целая вереница лиц, и старых и молодых, жизнерадостных и угрюмых. И так ежедневно. С девяти до восьми вечера. Только в восемь закрывается магазин и она обретает, наконец, желанную свободу. Правда, ей полагается час на обед, от двух до трех и за это время в окошечке кассы мелькает рыжеватая головка Илочки. Но Ия предпочитает питаться сухими бутербродами, которые съедает тут же за конторкой, запивая их молоком, и почитать захваченную из дома книжку или газету, нежели уходить из магазина обедать в кухмистерскую, где и берут так дорого за самые скромные блюда. Ехать же обедать домой, в одну из отдаленных линий Васильевского острова, где она снимает у Зинаиды Юрьевны Градовой крошечную комнатку со столом, совсем невозможно. Зато воскресные дни Ия, наработавшаяся до изнеможения за неделю, чувствует себя королевой. В субботу ее задерживают в кассе несколько дольше обыкновенного: происходит еженедельный подсчет кассы в магазине. Управляющий Илья Иванович имеет обыкновение проверять кассу только раз в неделю и производить в ней подробную ревизию по субботним дням. И только в половине десятого попадает Ия в такие дни к себе на остров. Но уже подъезжая да трамвае к дому, она начинает ощущать животрепещущую радость во всем своем существе. Она знает, что Зинаида Юрьевна, в её отсутствие, уже успела съездить в пансион Кубанской и привезти оттуда Катю на воскресный день. Знает, что едва лишь раздастся её звонок в маленькой квартирке, навстречу

к ней выскочит младшая сестренка и смеющееся от счастья смуглое личико прильнет к её заолодевшему с воздуха лицу.

Теперь Ия не боится уже ничьего дурного влияния на Катю и смело берет к себе в отпуск младшую сестру. Здесь, в трех крошечных комнатках Зины Градовой, где поселилась Ия с молодой матерью и её детьми-близнецами, с прежней служанкой Дашей, Катя не может научиться ничему худому, ни видеть никаких дурных примеров. Здесь нет Нетти, задумавшей испортить назло ей, Ии, её младшую сестренку.

Нетти Баслановой с её отцом, матерью и мужем давно уже нет в Петербурге. Андрею Аркадьевичу удалось выгодно продать картину и на вырученные от продажи её тысячи он повез за границу всю свою семью. Трогательно и задушевно было его прощанье с сестрами. Ссора Нетти с Ией ни мало не повредила доброму отношению Андрея к старшей сестре. Он звал ехать с собой молодую девушку, но, помимо всего прочего, Ия, не привыкшая жить за чужой счет, решительно отказалась от предложения брата. Ей хорошо жилось теперь у Градовой. Иногда хибарку на Васильевском острове, как называла Зинаида Юрьевна свои три маленькие комнатки, посещал и князь Леонид Вадберский. Его появления здесь были настоящим праздником для всех, особенно же для Журы и Нади. Дядю Леню они любили, пожалуй, настолько же сильно, насколько недолюбливали дядю Валю, который, ко всеобщему удовольствию, не показывался здесь,

избегая встречи с Ией после его недостойного поступка с Катей на Рождество.

К Леониду же Вадберскому Ия чувствовала большую признательность. Она хорошо помнила ту злосчастную ночь, когда юноша помог ей в тяжелую минуту исчезновения Кати отыскать девочку, и питала к молодому студенту самое дружеское расположение.

Итак, в «хибарке» жизнь бежала, как поезд по рельсам: гладко, ровно и хорошо. Ия служила в магазине, Зинаида Юрьевна утро и часть дня посвящала своим лекциям в медицинском институте, а по возвращении домой готовила Журу и Надю в подготовительные классы гимназии. К вечернему чаю возвращалась Ия. Она обедала, пока Зина и дети пили чай, и тут же рассказывала разные сценки из своей трудовой жизни. А по праздникам две крошечные семьи с самого утра соединялись вместе. Приезжала Катя, приходил Леонид, живший теперь у родственников, и отправлялись куда-нибудь развлечься: или в музей, или в Эрмитаж, или на выставку, а то и в цирк на скромных началах на утреннее представление, позабавить Катю и близнецов.

Теперь Ия, получая семьдесят пять рублей жалованья ежемесячно, отправляла матери по пятьдесят рублей в Яблоньки каждый месяц, оставляя себе двадцать пять на стол, комнату и мелкие расходы и умудряясь выкроить из этой суммы кое-какие гроши для Кати. Она давала воскресные уроки Журе и Наде и за это имела в семье обед за самую уме-

ренную плату. А её крошечная комнатка стоила ей совсем пустяки. Словом, сейчас все улыбалось Ии и она уже мечтала о том дне, когда, испросив себе двухмесячный отпуск у Ильи Ивановича Донцова, сама повезет Катю на каникулярное время в далекие милые Яблоньки и проведет в обществе старухи-матери несколько светлых, радостных дней...

Глава II

– Вот она принцесса наша! Подумаешь, важности не обратиться!.. Словно мошки мы перед ней какие, идет, даже нас и не примечает вовсе. Головой никогда первая не кивнет. И чего важничает, право! Нищенка такая же, как и мы грешные! Так чего нос-то задирать? Что институт-то окончила, – важность в этом небольшая. Я и сама ученая. В гимназии побывала.

– Ну, Машенька, знаем мы, как вы побывали. Из четвертого класса выскочили, убоявшись книжной премудрости.

И карие глаза Тины, молоденькой продавщицы вскинулись на розовую, свежую, похожую на пухлую булочку Машеньку, с явно насмешливым выражением.

– Ну, уж вы пожалуйста, – обиделась та, – вы-то уж сами хороши! Недавно покупательница «Антуанетту» спрашивает, а вы ей воротничок какой-то невозможный показываете!

– Вот уж неправда! – защищается Тина, – чтобы я «Антуанетты» не знала – ерунда!

– Барышни, взгляните, наша-то царевна не улыба нынче и вовсе разважничалась! – вдруг приблизившись к спорившим, зашептала Илочка, указывая им на Ию, проходившую к себе в кассу. Как всегда, бодрая и спокойная, вошла она в магазин, поклонившись всем одним общим поклоном. Ия не сходилась ни с кем из продавщиц. Ни одна из них не нра-

вилась ей. Пожалуй, единственная Евлампия Петровна пришла по душе молодой девушке и она очень часто и охотно беседовала с бедной портнихой, всегда озабоченной болезнью мужа и своими многочисленными детьми. Эта бедная женщина покоряла Ию и своей бесхитростной душой, простотой и мягкостью, вызывавшими невольную жалость и участие к себе. Барышни же продавщицы совсем не нравились Баслановой. Не нравилась ей их излишняя развязность, их вульгарные прически из фальшивых волос, сопровождающий их запах дешевых но крикливых духов, не менее крикливые блузки, бившие на шик, а главное их часто недобросовестное запрашивание высоких цен у покупательниц. Но верная себе, Ия всегда была корректна и с ними, она здоровалась и прощалась со своими сослуживцами, всегда с готовностью отвечала на их вопросы, словом ничем не выражала им своего нерасположения. И тем не менее барышни недолюбливали Ию, чувствуя все преимущество над ними глубокой, серьезной натуры. Они завидовали ей; её умению держать себя с достоинством, заставлявшим относиться к ней исключительно вежливо и предупредительно администрацию торгового дома, в лице её представителя Ильи Ивановича Донцова.

И хотя все эти Тины, Машеньки, Илочки и осуждали между собой и скромный наряд Ии, и её гладкую, без завивки и фальшивых локонов и накладок прическу, и её манеры, простые, как у провинциалки, по их мнению, но тем не менее,

дорого заплатили бы они сами за то, чтобы олицетворять собой такую же изящную простоту. Они шушукались и злословили на её счет, изобретая целые легенды о частной жизни Ии, в которую никто из них не мог проникнуть, так как молодая девушка не имела обыкновения откровенничать с ними и вводить их в свой интимный маленький кружок.

Сегодня же они почему-то исключительно занимались Ией, но она менее чем когда-либо обращала внимание на них в это утро. На душе девушки было легко и радостно в этот день.

Март был давно на исходе. Подкрадывался веселый и ласковый апрель. Наступала весна, дружная и славная на редкость, Только что закончилась ранняя Пасха, которую Ия провела в общества младшей сестры. В перспективе уже намечалось лето... Короткий отпуск... Отдых в деревне под крылышком у нежной любящей матери... Близкое свидание с ней... Ах, словом, все то, о чем так робко и трепетно мечтала все время своего пребывания в Петербурге молодая девушка.

– Скоро! Скоро уже теперь! – проносилась в её головке радостная мысль, – скоро кончатся переходные экзамены у Кати и мы уедем. Катюша на целое лето, а я хоть на несколько деньков в милые наши Яблоньки. Вот-то обрадуется мамуничка старенькая наша! – и при одной мысли о матери увлажняются строгие глаза Ии, а её энергичное лицо принимает мягкое, детское, непривычное ему выражение.

– Наша-то, наша, смотрите, барышни, о суженом своем, никак, размечталась. Глядите-ка, глаза под лоб закатила и улыбочка до ушей. Картинка да и только! – шепнула Илочка, проносясь мимо сбившихся в кучу, в углу магазина продавщиц, в ожидании появления покупательниц.

– Ха, ха, ха! И правда о суженом, – усмехнулась Машенька.

– Смотрите, смотрите, господа, страшилище какое! Батюшки, не то орангутанг, не то горилла, неужто же человек это? – испуганно зашептала Тина, широко раскрытыми глазами глядя на дверь.

Действительно, то, что увидели перед собой продавщицы-барышни, могло испугать своим видом и далеко не робкую душу. В магазин дамских нарядов входил высокий человек с обильной растительностью на лице, загорелом на редкость в это раннее весеннее время.

Высокий, худой, с длинными руками, с бородой, начинавшей расти у него чуть ли не под самыми глазами, он, действительно, больше походил на огромную обезьяну, нежели на человека. Тяжелая, сделанная мехом вверх шуба-доха покрывала его нескладную фигуру. А на улице было тепло повесенному и солнце ласково пригревало землю. Ни шубе, ни дохе, во всяком случае, не было места в эти ясные первые весенние дни.

Господин вошел. Внимательным взором обвел он магазин и остановил взор на отделении капотов и матине, висевших

в дальнем углу помещения.

– Мне нужен голубой шлафрок, – произнес он грубоватым голосом, не глядя на продавщиц, а куда то выше, через их мастерски причесанные модные головки.

– Извините, monsieur, – выступая вперед, проговорила бойкая Илочка, – у нас нет шлафроков. Мы не торгуем мужскими костюмами.

– Вот именно, вот именно, – засмеялся, словно чему-то обрадовавшись, незнакомец и при смехе сходство его с обезьяной выступило еще рельефнее. – Вот именно, мне и нужен дамский, а не мужской шлафрок.

– То есть капот? – подсказала Илочка.

– Ну, да, ну да, – замотал он волосатой головой, – вот именно, капот для девочки, который бы мог подходить и мальчику.

Илочка едва удержала готовый сорваться у неё с губ смешок при последних словах незнакомца. Остальные продавщицы уже хихикали, прячась одна за спиной другой. Ии из-за стекла кассы хорошо была видна вся происходившая сцена. Она уже несколько минут следила за иней. Но странный господин, казалось, вовсе не замечал устремленных на него насмешливых взглядов. Он оглядывал самым подробным образом все висевшие да виду костюмы и бормотал что-то, выделявая нелепые движения руками, длинными и худыми, как у скелета.

Вдруг он увидел прелестный, нежно голубой капот, отде-

ланный кружевом по вороту.

– Вот он! – громко выкрикнул оригинальный покупатель и бегом, вприпрыжку понесся к обратившей на себя его внимание вещице.

Тут продавщицы не выдержали и дружно фыркнули.

Волосатый человек смутился на минуту. По его заросшему густой растительностью лицу дополз густой румянец, выступивший темно-багровой краской на лбу, под глазами и да подбородке.

– Гм! Гм! Я бы хотел... Я бы желал... Вот этот самый... – бормотал он несвязно, теребя пальцами нежно-голубой шелк капотика. – Мне нужно на самый маленький рост... На самый маленький... – продолжал лепетать он все так же сконфуженно. Но продавщицы, пряча раскрасневшиеся лица, тряслись от обуревавшего их смеха, не будучи в состоянии сделать шага вперед. Илочка, уткнувшись лицом в висевшее тут же манто, смеялась безудержнее других.

Тогда Ия спокойно поднялась со своего высокого стула из-за конторки и, пользуясь тем, что в магазине кроме оригинального незнакомца, других покупателей в это время не было, быстро прошла к нему яз кассы, сняла облюбованную им вещь с вешалки и раскинула ее перед ним на прилавке.

– Вот этот капот вы желали иметь, monsieur? – без тени улыбки обратилась она к покупателю. Тот взглянул на нее благодарными глазами.

– Вот именно... вот именно, этот самый, мадемуазель, –

залепетал он, топчась на одном месте.

В ту же минуту за прилавком очутилась Илочка. Она грубо выхватила капот из рук Ии и, смерив самой Ию уничтожающим взглядом, произнесла сквозь зубы так, чтобы ее де мог услышать стоявший тут же рядом покупатель.

– Прошу вас не вмешиваться в чужие обязанности, m-lle, ваше дело сидеть за кассой, а не продавать. Удивительное нахальство, право, совать свод нос всюду, куда вас не просят.

Последних слов Ия де слышала. Она уже была снова в своей клетке кассе, оскорбленная наглым обращением к ней продавщицы. Ведь она, Ия, менее всего хотела «вмешиваться» в чужие дела! Она имела в виду только выручить барышень и покупателя, а между тем, ее не поняли и сейчас.

Смущенная и опечаленная, опустилась она да свое обычное место. Илочка, стараясь всячески исправить свою оплошность, теперь особенно лебезила перед оригинальным покупателем.

– Вы удачно выбрали, monsieur... – У вас ест вкус... Прелестная вещица, нечего и говорить... Ода стоит еще и не таких денег... Совсем даром отдаю... Поверьте, себе в убыток, monsieur... Для первого знакомства, – лепетала она с умильной улыбочкой и тут же назначила баснословно большую цену, за голубой капотик. Ия вспыхнула до ушей, услышав цифру. Но она сдержалась, сделав невероятное усилие над собой, чтобы не уличить Илочку.

– Нет, нет, не ко двору я здесь пришлась! – с горечью по-

думала девушка, – не могу я видеть спокойно, как обсчитывают и обманывают людей.

Но долго ей не пришлось рассуждать на эту тему. Перед окошком её кассы стоял тот же удивительный покупатель и своей длинной обезьяньей рукой протягивал ей кредитную бумажку и чек, выданный ему Илочкой.

Не глядя на него, Ия взяла чек и деньги. Повернула колесо автомата-счетчика и выдала сдачу.

Незнакомец вышел, унося докупку. На его месте очутились какие-то две дамы. Принимая от них деньги и выдавая сдачу, Ия заметила маленькую пеструю бумажку, лежавшую у неё на коленях.

Она быстро подняла ее, поднесла к глазам и едва не вскрикнула от изумления, в её руке был пятисотенный кредитный билет.

– Ага, вас с прибылью можно поздравить, Басланова! – услышала ода в тот же миг сладенький голо сок Илочки, в одно мгновение ока очутившейся около кассы и пронзительным взглядом впившейся в деньги.

– Это не мое... Это не мое... – почти испуганно зашептала Ия, – тот господин, по всей вероятности, обронил, когда платил в кассу, – смущенно закончила ода.

– Ну что ж, тем хуже для него и лучше для вас, если обронил, – понизила голос Илочка, – кто ж виноват, что он рохля... Что с возу упало, то пропало, сами знаете, небось! Подумайте какое вам счастье привалило. Пятьсот рублей – не

пять целковых, сами знаете. Это целое богатство, Басланова. Неужели же вы будете такой дурочкой, что захотите вернуть этому разине его деньги? – уже враждебно обратилась она к Ии.

– Разумеется, верну. И вы могли додумать иначе!.. – резко оборвала девушку Ия, и вся залилась ярким румянцем негодования и стыда.

– Яша! Яша! Ступай сюда, – позвала она маленького, худенького мальчика, шмыгавшего с огромными картонками по магазину и, когда мальчик подбежал к ней, приказала ему с нервной, лихорадочной поспешностью: – Сейчас же беги... за тем господином, который только что был здесь... Видел? Такой бородатый... Станный по виду. Догони его, во что бы то ни стало, Яша... Сажу ему, что он у нас деньги обронил... Пусть придет за ними... Только скорее, пожалуйста, поскорее, Яша!

Но Яшу было лишним торопить. Быстрой рысцой кинулся он из магазина, и через минуту-другую, вернулся снова, в сопровождении недавнего посетителя.

– Ваши деньги... Пятьсот рублей... Вы их нечаянно выронили, когда платили до чеку, – спокойно обратилась к последнему Ия, протягивая бумажку незнакомцу. Тот внимательно и зорко взглянул в глаза девушке.

– Благодарю вас... Редкая честность... Благодарю, – буркнул он отрывисто, неуклюже принимая деньги и неловко, изо всей силы встряхивая маленькую ручку девушки. Потом так

же быстро и стремительно исчез, как и появился здесь.

Дружное хихиканье барышень-продавиц сопровождало это исчезновение. Потом все глаза обратились к Ии.

– Редкая честность. Да при чем тут честность, господа? Басланова с успехом могла бы оставить у себя деньги, – хохорилась Тина.

– Как можно! Дворянская порода не пойдет на компромиссы, – съязвила Машенька.

– Белая косточка, что и говорить! Институтка, – высмеивала Илочка.

– Богата, должно быть, барышня, – шепнула Тина, – ведь по закону третья часть с находки полагается, а она и не заикнулась о том.

– А на меня, доведись, Господи, я бы ни за что, кажется, не отдала денег. Что с воза упало – то пропало, – вмешалась четвертая продавщица Катенька.

– Я бы, положим, отдала, но награду – третью часть потребовала бы обязательно, – решила Илочка.

Поднялся спор. Барышни стрекотали, как сороки, бросая недружелюбные взгляды в сторону Ии. Молодая девушка была рада-радехонька, когда закончился её трудовой день и она стала подсчитывать дневную выручку. Магазин спешно прибирали перед закрытием. Продавицы с обычным своим веселым хихиканьем и смешками одевались, повязывали вуальки. Там у порога магазина каждую из них ожидал провожатый. Молодые люди фланировали перед окнами мага-

зина еще задолго до времени закрытия его в ожидании продавщиц. Одну Ию не ждал никто. Несколько молодых людей добивались случая быть ей представленными, прося об этом ту или другую из её сослуживиц, но на каждую такую просьбу Ия отвечала решительным отказом, вооружая против себя и потерпевших фиаско поклонников и своих сослуживиц.

– Гордячка! Подумаешь, принцесса какая, брезгует знакомством с нами! – говорили те и другие.

– Ждет сказочного королевича! – ехидничали они. Но Ия далеко не «брезговала» ничьим обществом и уж менее всего думала о «сказочном королевиче». Бедняжка так уставала за день, что только мечтала об одном: поскорее добраться до дому да пообедать и заснуть покрепче, до следующего трудового дня. Она видела, как за порогом магазина сослуживицы её отправлялись с их знакомыми в театры, кинематографы или просто в парк на острова, погулять на лоне природы, но ее не тянуло никуда, кроме дома. Спешной походкой, не обращая внимания на насмешливые взгляды Илочки, Тины, Машеньки и других, направлялась Ия к трамваю, мчавшему ее на далекую окраину города.

Подъезжала на нем чуть ли не к самому дому, выходила и почти бегом поднималась по лестнице крохотного домика особняка.

– Ия Аркадьевна приехала! Ия Аркадьевна, няня Даша, обедать скорее! Скорее! А у нас баранина сегодня! – слышала еще за дверями милые приветливые голоса детей Ия. И

Жура наперегонки с Надей летели открывать дверь их общей любимице. Ия целовала детей и проходила, сбросив верхнее платье, в столовую. Здесь ее ждал разогретый поздний обед, суд и жаркое, и приветливая улыбка Зинаиды Юрьевны, сидевшей обычно за лекциями тут же у обеденного стола.

Жура и Надя присаживались около и, чтобы не мешать матери, шепотом вели беседу с Ией, пока та уничтожала с завидным аппетитом перестоявшийся обед. А там, наступало самое приятное время дня молодой девушки. Дети спали. Зинаида Юрьевна занималась. С книгой в руках Ия ложилась на оттоманку и читала, читала без конца, наслаждаясь уютом, отдыхом и тишиной, изредка перебрасываясь короткими фразами со своей подругой. Ии нравилась несколько суровая, сильная, почти мужская натура Градовой. Её непоколебимость в труде, энергия и полнейшее отсутствие сентиментальности. И в самой резкости Зины чувствовалась крупная, недюжинная личность, умеющая постоять за себя и за других. Свое горе – потерю мужа, которого она крепко любила, и не могла забыть, несмотря на годы утекшего времени, она никогда не высказывала никому, как не высказывала и своей тоски, своей временной слабости, тяжести, заботы, обуревавшей временами эту сильную душу. Имея двоих детей на плечах, аккуратно посещая лекции, Зинаида Юрьевна находила еще время бегать по урокам и зарабатывать деньги к той стипендии, которую выдавал ей медицинский институт.

Дети боготворили мать, несмотря на то, что молодая женщина была далеко не щедра на ласки. Но и Надя и Жура не могли не чувствовать всей силы любви к себе, заполнявшей душу этой суровой, и замкнутой по виду женщины. Что же касается до самих детей, то и Надя и Жура чувствовали себя теперь прекрасно в родной обстановке, под крылышком у любящей, заботливой матери, убаюканные заботами няни Даши, без обычных грубых с ними выходов Нетти, без её придирок, пинков и постоянного страха наказания. Мать занималась с ними по будням, Ия по праздникам. Тишина, спокойствие и какой-то душевный уют царили в маленьком семействе, где Ия отдыхала всем сердцем после перенесенных ею невзгод в доме молодых Баслановых.

Глава III

– Ия Аркадьевна! Вас какой-то военный спрашивает. Меня послал сказать. За дверью магазина дожидается.

И Яша, говоря это, тарасил на кассиршу удивленные глаза.

Что Ию спрашивал кто-то, да еще то, что спрашивающий был мужчина, да еще военный мужчина, для всех являлось большой новостью, неслыханным до сих пор происшествием. К молодой девушке никто не заходил на службу, никто не вызывал ее в служебные часы из её клетки-кассы и не мудроно поэтому, если все барышни продавщицы смотрели теперь на Ию во все глаза с плохо скрытым удивлением.

Не успела сама Ия опомниться от неожиданности, как, звеня шпорами, в магазин влетел князь Валериан Вадберский.

– Ия Аркадьевна, сколько лет! Сколько зим! – запел он со сладкой улыбочкой, – тысячелетие, целое тысячелетие я не видел вас! Как вы посвежели, похорошели за это время. *Parole d'honneur!* Не ожидал вас видеть такой отдохнувшей, поздоровевшей! Очевидно, жизнь вне общества моей любезной сестрички приносит вам пользу. Я вижу грозы на ваших щечках! Прелестно! *Charmant! Charmant!*

Он сыпал целым фейерверком слов и тряс изо всей силы руку Ии. Барышни продавщицы, занятые с покупательница-

ми, поглядывали на молодого, франтоватого юнкера, хихикали и шептались:

– Пальто с иголки... фуражка по моде... А усики-то как закручены! Воображает о себе, должно быть, ужасно!

Между тем, лицо Ии хранило строгое, суровое выражение. Она холодно протянула руку Валерьяну. Девушка не могла еще забыть поступка молодого Вадберского с Катей. Не могла простить молодому человеку его возмутительной небрежности по отношению к её сестре. И сейчас с ледяной холодностью она ожидала от него пояснения причины его визита.

Со дня отъезда её из дома брата, князь Валерьян не виделся с ней. Больше того, молодой Вадберский как будто умышленно, избегал свиданий с ней и с Катей после неудачной поездки в ночь бала. И вот, теперь, этот неожиданный визит!.. Что он мог означать? Ия, положительно, терялась в догадках.

– Чем я обязана видеть вас, князь? – ледяным тоном спросила она молодого человека.

Юнкер смутился. Глаза его забегали, как пойманные мыши в клетке. Губы сложились в виноватую улыбку.

– Собственно говоря, собственно говоря... – начал было он и, окинув смущенным взглядом наблюдавшие за ними издали посторонние лица, понизил голос до шепота и уже чуть внятно произнес: – Вот видите, Ия Аркадьевна... Я... Я... Собственно говоря, хотел бы поговорить с вами без свидетелей и высказать вам мое горе...

– Горе? – Ия удивленно подняла темные брови. – Какое же может быть однако, у вас горе, Валерьян Юрьевич?

– Mille diables, как говорит мой товарищ Дима Николаев. Не могу же я говорить о моем горе публично! – вспыхнув до корней волос, произнес с досадой молодой человек. – Вот если вы разрешите мне встретить вас нынче после закрытия магазина и проводить до дома, я поделился бы им с вами.

Ия нахмурилась. Она терпеть не могла Валерьяна и перспектива провести в его обществе хотя бы самый короткий срок совсем не улыбалась молодой девушке.

Но взглянув на смущенное, сейчас взволнованное лицо последнего, поймав его растерянную улыбку, она вдруг почувствовала, что, действительно, какое-то горе или неприятность, по крайней мере, случилась с юношей и, по свойственному её натуре великодушию, пожалев его, дала ему, скрепя сердце, разрешение подождать её выхода из магазина.

Вадберский заметно расцвел при этих словах; лицо его озарилось улыбкой. Он крепко сжал и сильно встряхнул руку Ии и, еще раз рассыпавшись в комплиментах по её адресу, выпорхнул, звеня шпорами, за порог.

– Басланова, кто это?

– С кем вы говорили, Басланова?

– Какой интересный, кто он такой? – градом посыпались вопросы на Ию, лишь только высокая фигура кавалерийского юнкера исчезла за дверью. И чуть ли не все продавщицы модного магазина окружили крошечное помещение кассы.

– Это один мой родственник, – спокойно ответила девушка.

– А правда – он князь? Мы слышали, как он говорил Яше: «Доложи m-lle Баслановой, что ее хочет видеть князь Вадберский». Неужели правда? – выходила из себя от изумления Илочка.

– Ну, да! Князь... Конечно. Что же, однако, следует из этого? – спокойно обратилась к ней в свою очередь с вопросом Ия.

– Нью, Боже мой! Князь, богатый... Знатный... Из аристократической семьи... Из высшего светского общества! Надо дорожить таким поклонником, Басланова. – подхватила Машенька.

Ия вспыхнула:

– Во-первых, он вовсе не мой поклонник, – строго взглянув на говорившую, оборвала она, – а во-вторых, я и не знала, госпожа Иванова, что надо судить о достоинствах людей по их титулу и фамилии.

– А в вас еще прочно сидит классная дама, Басланова. Вы нет-нет начинаете читать нотации, – обиженная замечанием, съязвила Машенька Ию.

– И очень сожалею, что эти нотации не приносят вам пользы, – спокойно и без тени гнева отпарировала её удар Ия.

Машенька забормотала было что-то себе под нос, но Ия занялась в эту минуту новой плательщицей и не обратила никакого внимания на её слова. Когда же в восемь вечера

приказчицы веселой гурьбой снова высыпали за порог магазина и ожидавший за этим порогом её, Ию, Валерьян подошел к молодой девушке, Илочка. Машенька, Тина и другие продавщицы проводили их саркастическими улыбками и насмешливыми взглядами.

– Наша-то смиренница поклонника себе нашла! – шептали они.

– В тихом омуте, знаете...

– Это она с виду такой скромницей прикидывается только, а на самом деле эта прелестная Иечка – презлейшая кокетка.

Не смущаясь, спокойно и гордо Ия пошла рядом с Валерьяном. Она отлично сознавала, что служит мишенью насмешек своим сослуживицам, но ни мало не обращала на это внимания.

– Ну, говорите скорее, какое горе стряслось у вас, – обратилась она к своему спутнику, быстрым шагом направляясь знакомой дорогой к трамваю.

– Но куда же мы идем, однако? – изумился Валерьян.

– К трамваю, конечно, – ответила Ия.

– Но, mon Dieu, я никогда не езжу на этой адски глупой машине, – запротестовал юноша и, вдруг остановившись перед франтоватым лихачом, у Гостиного двора, бросил по его адресу:

– Свободен, братец?

– Так точно, ваше сиятельство.

– Но... – начала было Ия.

– Садитесь, m-lle, он прокатит нас отлично; – засуетился Валерьян, – воля ваша, но в трамвае я не смогу вымолвить и двух слов. Когда все соседи и визави уставятся на нас глазами разварной рыбы и будут ловить каждое слово со вниманием, достойным лучшего применения. Да и потом таким способом передвижения, какой я выбираю, вы достигнете дома значительно быстрее.

Тут Валерьян с манерой истинного джентльмена распахнул кожаный фартук перед девушкой, помог усесться Ии и, снова застегнув фартук, вскочил в пролетку и сел подле девушки, лаконически приказав лихачу: – Трогай, братец!

Легкий экипаж быстро понесся, увлекаемый сытой и бодрой лошадкой. Ии было не по себе, неприятно было ехать рядом с несимпатичным ей человеком, не хотелось уезжать на виду у сослуживиц в таком нарядном экипаже, неприятно было чувствовать на себе их взгляды, горевшие, конечно, насмешкой и завистью.

Стало как-то значительно легче, когда пролетка, миновав Невский, вылетела на Дворцовую набережную.

До этого мгновения молчавший все время Валерьян неожиданно схватил за руку Ию:

– Дорогая сестричка! Спасите меня! – вырвалось у него горячо и искренно и он до боли крепко стиснул пальцы Ии.

– Почему сестричка? И от чего мне надо спасти вас? – спросила удивленная девушка.

– Сестричка, потому что вы родная сестра моего милого

André, моего брата, мужа моей сестры, – зашептал, торопливо бросая слова, юноша. – Да, да, вы моя милая, хорошая, добрая и великодушная сестричка. И вы должны спасти меня или... Я погиб!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.